

Фермер подумал бы, что это был бы тривиальный случай, если бы он просто держал своих кур в безопасности от хищников, и встреча с лаской могла бы отговорить зверя от того, чтобы он передумал насчет своих кур когда-нибудь снова. Но во второе утро, когда он проснулся, его поля были покрыты кирпичами и черепицей!

Все еще носящий свое фирменное пустое и скучное выражение, когда он внимательно слушал, Чонси просто ответил тупым и коротким "о", когда фермерская сказка достигла своего конца. Он посмотрел на свою будущую свекровь и фермера. "Какие удобрения вы используете на ферме?" спросил он тихо. Завороженный своим вопросом, фермер прокричал: "Конечно же, навоз от лошадей и мулов!" Чхонси жестоко хихикал. Он шепнул фермеру на ухо, который кивнул, приняв все, что он говорил, и дал фермеру карточку с именем, сказав, чтобы он позвонил нам еще раз, и мы приняли бы это дело. Затем Чунси отказался от предложения авансового платежа, сославшись на то, что платеж был получен только после того, как наши услуги были оказаны.

Юань Чунси мог выглядеть глупо и скучно, но вместо этого он был не более глуп, чем кто-либо из нас. По указанию Чунси, фермер вернулся на свои поля и зарычал так громко, как только мог, смеясь: "Это хорошо! Я как раз думал о том, сколько денег мне понадобится на постройку свинарника! Все кирпичи и плитки наверняка будут стоить бомбы! Но теперь они здесь! У меня здесь будет тележка, чтобы забрать все эти бесплатные вещи!" Он сделал паузу и закричал ещё громче: "К счастью, это не какой-то грязный навоз от лошади или мула!"

"Какой хитрый план! Ты гнилой!" Я воскликнул на Чонси, который хихикал, похожий на своего наставника. "Но это не объясняет, почему тебя не было в Центре весь день?" Я указал. "Хе-хе-хе, ну... Я не видел Сяо Юя с тех пор, как вернулся из Внутренней Монголии. Видя, что мне нечего делать в Центре, её мать пригласила меня к себе домой". Он хихикал, вылавливая большой кусок мяса из горячего горшка и в свою миску, к нашему удивлению. Я чуть не смутилась перед ним: "Разве ты не сказала, что ела?!"

На полпути к еде мои глаза встретились с Линь Фенгом, который пытался мне подмигнуть. Вспомнив наш план, я кивнул в сторону и вытащил банковскую карту из бумажника. Я проскользнул через него в Чонси. "Ну, раз уж ты сейчас так близко с Сяо Юй. Может, тебе действительно пора устроить встречу между твоей учительницей и её матерью". Чхонси перестал жевать и нахмурился. "Ах... Ты забыл, что я тебе сказал, приятель... Мне трудно..." Линь Фэн прыгнул к его ногам, схватил банковскую карту и засунул её ему в руку. "Дурак! Мы никогда не забудем! Возьми это! Это миллион юаней, который мы получили от дяди Чжэн Шуана! Возьми эти деньги и все твои трудности будут решены!"

Весь стол мгновенно застыл от внезапной тишины, когда все услышали, что сказал Линь Фэн. Даже мужлан от шести сестер, которые веселились и шутили по ту сторону стола, тут же сдох.

Чхонси схватил карту в руке, и его взгляд замер, как лед, на секунды, пока две строчки слез не обрушились на его лицо. Его губы дрожали, когда он пытался что-то сказать, но я остановил его, положив руку ему на плечи. "Нет ничего, что нужно было бы сказать". Мы братья; истинные братья. Нам с Эдельвайсом деньги все равно не нужны". "Да, - добавил Линь Фэн, - у меня в семье достаточно." Юанюань тоже не нуждается в деньгах! Но мы знаем, что ты, с

другой стороны, очень нуждаешься в помощи!"

Чхонси глубоко вздохнул, потерял слова, хотя его выражение полностью иллюстрировало сложный шквал эмоций, вихревших в нем. Он много выпил, как и мы в ту ночь. С ликером, чтобы ослабить наши языки, он начал рассказывать о своём прошлом со своим учителем, а также с приёмным отцом, стариком Ченом.

Его плечи опускались, когда его глаза начинали промокать; воспоминания о детстве вернулись к нему, как будто это было вчера, еще яркие и свежие для него. Он был ещё младенцем, завернутым в пучок ткани, когда старик Чен нашёл его в канализационной трубе под мостом. Тонкий и тощий парень, как Старик Чен однажды описал малыша Чонси, когда его нашли. В сгибах одеяла, в которое он был одет, была лишь небольшая записка, в которой говорилось, что он родом из семьи с фамилией Юань. Видя, как жаль, что его бросили в таком юном возрасте, старик Чен взял ребенка на руки. Было сумерки, и небо было окрашено в оттенки потемневших красных и оранжевых тонов, по мере того как солнце медленно опускалось далеко на запад. Он посмотрел на затонувшую сферу и задумался о том, как она напоминает ему самого себя, старика, медленно приближающегося к сумеркам своих лет. И все же именно в этот час ребенок вошел в его жизнь, возвращая цвета монотонности его скучной и унылой жизни. Поэтому ребенка называли Юань Чунси, и старик построил небольшой сарай под мостом.

В то время старик Чен носил мальчика на руках, чтобы попрошайничать и обмануть людей своими деньгами. Ночью они возвращались в сарай, и он обнимал ребенка рядом с ним, чтобы согреть его. Это продолжалось годами, и пара отца и сына сидели на тротуарах, полагаясь на сочувствие и милосердие других, хотя иногда они пытались эксплуатировать доброту людей, обманывая и обманывая их. Но дни никогда не были добрыми к ним; даже нищие и мошенники работали в группах или бандах, и отец и сын часто страдали от того, что их грабили или избивали соперничающие нищие. Тем не менее, старик Чен никогда не позволял своему приемному сыну голодать. Старик всегда носил с собой сумку с едой или деньгами и следил за тем, чтобы Чунси хватило на еду, даже если это означало, что ему самому придётся вытерпеть холодную ночь, кусая голодные кастрюли.

Но судьба не улыбнулась им; отец и сын медленно поняли, что жизнь не становится к ним добрее с течением времени. В конце концов, они решили, что пора покинуть сарай под мостом. Чхонси тогда было всего два года.

Двухлетний мальчик никогда не понимал; никогда не было ни его желания, ни его бремени нести столько трудностей. Но он не мог понять желания отца пережить их несчастья без ропота или жалобы, как если бы он смиренно принимал покаяние за совершенный им грех. Но что он всегда будет помнить, так это то, что это начало их жизни, блуждающей по округе.

Но люди могут и не поверить, что такая тяжелая жизнь в нищете возможна. В конце концов, это 20-ый век. Я, например, никогда бы не поверил, что ребенок заслужил бы такую жалкую жизнь в нищете и нищете, если бы это была не история его детства Чунси. Он потягивал сигарету, борясь с желанием пролить слезы. "Мне тогда было четыре года, когда Учитель показал мне, как обманывать других, притворяясь раненым в афере". Тем не менее, для них это были нелегкие деньги, даже для слепого старика с маленьким мальчиком! Я мог только наблюдать, как Учитель медленно двигался к машине, которая ехала задним ходом. Я так

боялся, что он действительно может быть ранен! Но его указания перекликались с моими мыслями, когда он двигался вперед. Я должен был броситься к нему и закричать о помощи, называя его дедушкой..." Он сделал паузу, сдерживая рыдание и тяжело вздохнул. "Машина повернула в сторону Учителя, который громко "аргхх" разбился о землю, и я бросился к нему, плача так громко, как только мог, говоря: "Дедушка, вставай, с тобой все в порядке?". "Водитель машины быстро вышел и был опустошен, увидев, как старика сбивают! Старик, который был слепой, и с ним был даже маленький мальчик! Тревожный и испуганный, мужчина бросил записку на 1000 юаней и быстро уехал. Но в тот день Учитель был действительно ранен. Впервые в жизни мы поели в ресторане и попробовали теплую еду. Но это было удовольствие, которое пришлось по такой тяжелой цене, что я с трудом наслаждался впечатлениями. Он взъерошил мне волосы, когда мы ели, как отец, спрашивая, понравилась ли мне еда... Но все, что я видел, это его перевязанную руку..."

Голос Чхонси замирал. В конце концов, он больше не мог сдерживаться и начал рыдать.

К шести годам он уже был искусен в обмане, воровстве и простой магии прорицаний. Однажды они прошли мимо школы. После уроков ученики выходили из ворот школы. Чхонси тянул за рукава своего учителя: "Учитель, учитель". Почему эти дети несут сумку и стоят в очереди? Они выглядят почти как мои ровесники". Старик Чен понял, что происходит, и хихикал. "Они ученики. Сейчас конец их уроков, и они готовятся к возвращению домой." Молодой и невинный Чонси тоскливо смотрел на них, глядя, как счастливы были школьники. Впервые в жизни он обратился к своему учителю с просьбой: "Учитель, я тоже хотел бы ходить в школу, как они".

Он не мог вспомнить, как тогда выглядел его учитель. Он был еще слишком молод, чтобы помнить и понимать губительное выражение своего учителя. Но он никогда не забудет две сверкающие линии, струящиеся из-под темных солнцезащитных очков его учителя вниз по грубым сгибам щек.

Но, как и все отцы любили своих сыновей, старик Чен скопил сто юаней и купил билеты на поезд. Местом назначения была железнодорожная станция округа У Чжун. Чонси тогда было шесть, а мне семь. Это был первый раз, когда мы встретились.

С еще одним бокалом ликера я чувствовала себя более чем пьяной, больше похожей на тошноту и усталость. Я шлёпнул по плечам Чонси, говоря: "Вот, вот, брат! Всё это в прошлом! Больше не думай о прошлом! Теперь ты способный человек! Ты можешь позаботиться о своём учителе теперь, когда он старый и ему нужна твоя помощь! Пора возвращаться! Мы разберемся с этим пронырой завтра!" Чхонси вытер слезы, кивнул, не сказав ни слова.

<http://tl.rulate.ru/book/34841/1021083>